

Ещё в XVIII-XIX столетиях среди угличских ремесленных цехов упоминается цех хлебный. Традиционно, как и фамилии представителей других мастерских (цехи шубный, сапожный – Скорняковы, Кожевниковы, Овчинниковы, Мехапы, Сапожниковы, серебряного дела – Серебренниковы и пр.), в хлебном Калашниковы и Опарины были непременно. Древние корни фамилии стали неслучайными в жизни знаменитого потомка – Александра Ивановича Опарина.

Фамилия Опарин у угличан на слуху – улица, названная именем академика, находится в центре города. Особенно много по этой улице проходит молодых людей, студентов педагогического колледжа, – дом семьи Опариных через дорогу. Но много ли знают угличане, молодые и зрелые, о своём знаменитом земляке? Большинство в лучшем случае вспомнят, что Александр Иванович – академик, большой учёный, кто-то даже ответит, какие открытия он совершил. Но, к сожалению, часто мы не очень любопытны, как данное воспринимая факт рождения в нашем городе крупнейшего учёного. Много делает редакция газеты «Угличанин», публикуя интереснейшие материалы об Опарине. Перед предстоящим юбилеем хочется снова привлечь внимание к жизни, деятельности Александра Ивановича Опарина, рассказать о нём как о ярком, разностороннем

человеке, о том, каким его знали коллеги, друзья, оставившие замечательные воспоминания.

Обогатил мировую науку

2 марта 1894 года в доме на улице Воскресенской родился будущий учёный, которому суждено было стать знаменитым, обогатить мировую науку оригинальными идеями и исследованиями. Ещё в школьные годы он увлёкся ботаникой, собирал гербарии, ставил простые опыты на растениях. После окончания в 1912 году 2-й московской гимназии Александр Иванович поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, выбрав своей будущей специальностью физиологию растений.

Исследования молодого учёного привели к изучению химических основ эволюционного развития жизни и разработке основных положений её происхождения на Земле. Первое публичное выступление по гипотезе происхождения жизни состоялось в 1922 году на заседании отделения Российского ботанического общества, а в 1924 году вышла в свет его монография в виде скромной книжечки, но со смелым названием «Происхождение

жизни». Ведь в те годы, в начале XX века, проблема происхождения жизни считалась не разрешимой методами естественных наук и не допускающей экспериментального подхода, она считалась областью религии и философии. Не зря спустя годы Александр Иванович любил вспоминать занятный эпизод. Во время одной из поездок в Италию, по окончании очередной лекции, академику сказали, что с ним хочет познакомиться президент Папской (Ватиканской) академии наук. Как признавался Александр Иванович, перспектива этого знакомства его, убежденного материалиста, насторожила. Совершенно неожиданно президент заявил: «Вы знаете, профессор Опарин, я просто восхищён, как Вам удалось так блестяще раскрыть промысел Божий...»

Совершенствованием и экспериментальным подтверждением своей теории академик Опарин занимался всю жизнь, вовлекая в эту проблему учёных разных специальностей, и теория выдержала испытания временем.

Выдающийся английский учёный Джон Бернал особо подчеркнул значение теории советского учёного: «Программа, намеченная Опариным, породила огромную массу исследований. В начале разработки какой-либо научной программы самое главное... увидеть и сформулировать сами вопросы. Вспомним ли мы Ньютона, или Лавуазье... или Пастера... мы всякий раз убеждаемся в правильности этого положения... Данная работа... послужила отправной точкой для всех остальных...»

Учреждена Золотая медаль им. А.И. Опарина

Теория А.И. Опарина открыла возможность целенаправленного исследования проблемы происхождения жизни и породила многочисленные изыскания учёных самых различных специальностей: биохимиков и палеонтологов, химиков и астрономов, физиков и геологов, превратившись к настоящему времени в новое, самостоятельное направление современного естествознания, в котором приоритет и ведущая роль отечественной науки бесспорны. Теория Опарина стала и теоретической основой космохимических исследований и поисков жизни на различных планетах Вселенной.

В апреле 1970 года на симпозиуме в Понт-а-Муссоне (Франция) было основано Международное общество по изучению происхождения жизни – ИССОЛ. Первым президентом ИССОЛ стал А.И. Опарин и оставался на этом посту до 1977 года. Александр Иванович остался почётным президентом ИССОЛ, и (особая честь!) общество учредило Золотую медаль имени А.И. Опарина за выдающиеся исследования по

проблеме. Учреждение медали в честь выдающегося учёного при его жизни – случай практически беспрецедентный. Уже после кончины академика в его память были названы улицы в Москве и родном Угличе. Его имя носит одно из судов научно-исследовательского флота Российской академии наук на Дальнем Востоке.

Блестящий популяризатор

Способность в любом вопросе, в любой проблеме быстро и чётко выделять главное Александр Иванович пронёс через всю жизнь. Отсюда его талант блестящего популяризатора науки, самые сложные научные проблемы он умел ясно и просто объяснить даже неискушённому слушателю. Публичные лекции академика собирали многотысячные аудитории, его имя знали все. Как любил говорить Александр Иванович, показывая на один из книжных шкафов в своей квартире: «Это всё мое» (т.е. книги с его авторством на многих десятках, под сотню, языков народов Советского Союза и всего мира). Потом указывал на соседний шкаф и говорил: «А это обо мне» (тоже книги на десятках языков, но уже других авторов, излагающие и популяризирующие опаринскую теорию).

А.И. Опарин был широко известен даже далёким от науки людям. Неожиданный пример его популярности – встреча с такой неординарной и одарённой личностью, как Сальвадор Дали: они встретились по приглашению Дали в 1974 году, во время

симпозиума ИССОЛ в Барселоне. При всей своей эксцентричности С. Дали живо интересовался достижениями современной науки, в том числе и проблемой возникновения жизни. Задолго до встречи он не только слышал о работах русского учёного, но читал с карандашом в руке перевод опаринской книги. При этом знаменитый художник не скрывал восхищения этой книгой. Рисунок Дали – портрет Опарина – даже стал эмблемой конференции по происхождению жизни.

Был ярким и разносторонним человеком

Академик Опарин был ярким и разносторонним человеком. Он любил природу и поэзию, прекрасно читал стихи Пушкина, Волошина, Ахматовой, Цветаевой, Гумилёва, Маяковского, любил принимать гостей и сам был интересным собеседником, исключительно наблюдательным, с тонким чувством юмора. Александр Иванович был знаком с художником И. Глазуновым, портреты академика и его жены написал классик советской живописи Борис Иогансон. Другом Александра Ивановича был певец Иван Козловский, на юбилее Александра Ивановича в Доме учёных пел ему «Многая лета». Сам академик был не чужд актёрскому таланту. Он рассказывал, как в юности его приятель шёл на прослушивание, стремился стать студийцем МХТ, актёром-профессионалом. Он подготовил сцену у фонтана из «Бориса Годунова», роль Самозванца, а Александр Иванович должен был подыграть за Марину Мнишек. Прослушивал сам Немирович. По окончании он сказал (приятелю, проходившему конкурс): «Извините, Вы нам не подходите, а вот Вас, молодой человек (это уже обращаясь к Опарину), мы бы взяли».

Как вспоминал помощник академика, профессор М.С. Крицкий, «своеобразная личность Опарина неотделима от внешности, точнее, всего его облика. Высокая массивная фигура, бородка клинышком, роговые очки и, конечно, галстук-бабочка – этот облик неповторим и легко узнаваем учёными (и не только учёными) всего мира. Для соотечественников он дополнялся неторопливой, «округлой» речью с несильным верхневолжским оканьем. В облике этом была некая противоречивость – оканье и бородка клинышком – вроде бы из русской жизни начала века, а вот «бабочка» – ну это уж нечто западное, даже американское. Казалось бы, никак не должно сочетаться. Но сочеталось – этот облик воспринимался очень органично, стал неотделим от личности Александра Ивановича... Много позднее мне приходилось общаться с ним вне служебной обстановки – дома, на даче. Он выходил в мягкой байковой ковбойке, очень радужный, но... это был уже какой-то другой Опарин, непривычный».

